

ПАВЕЛ ТРОФИМОВИЧ ТЮРИН

Профессор Балтийского Русского института (Рига).
Постоянный автор альманаха.
E-mail: pavels.tjurins@e-teliamtc.lv

НАЦИОНАЛЬНОЕ КАК ОСНОВАНИЕ ДУХОВНОСТИ И КУЛЬТУРЫ

О, братья, можно быть беременным
только собственным ребенком!

Ф.Ницше

Всякое суждение о нации величественно и мистично. Потому, что здесь люди обращаются к истокам своего происхождения в попытках нащупать и увидеть начало рождения себя как значимой величины в истории – это есть процесс узнавания собственного лица в мозаике сменяющих друг друга событий жизни.

В размышлениях человека о своей национальности, несомненно, скрывается его страх смерти, и в них выражается беспокойство о своем будущем и стремление сохранить в мире то, что тебе было в нем дорого. Это обстоятельство – мечта о жизни вечной – обуславливает тот факт, что в национализме всегда присутствует религиозно-мистический компонент, а националист (если только он не попугай), как правило, верующий человек. Неверующему же человеку национальность ни к чему; поскольку он в глубине своей души всегда пессимист – «все равно вымирать!». Все у него в настоящем, ничто не удерживает в прошлом и не призывает в будущее. Он прагматик, и потому национальность для него – лишняя головная боль; ведь и так каждый день хлопот предостаточно, где уж тут вспоминать о несуетном и вечном. У него ни для прошлого нет времени склонить голову, ни для будущего поднять ее. Нигде, кроме сегодняшнего дня, не находит он себе ни места, ни времени. Его участь – бесследно исчезнуть в этом пространстве и времени.

Стержнем нации, т.е. общности людей, объединенных общей судьбой и памятью о происшедшем когда-либо с ними, является ее культура. Изначально родословная национальной культуры во многом определяется спецификой средовых условий жизни народа, т.к. человек может эффективно действовать, только учитывая параметры среды своего обитания и соразмеряя с ней собственные силы. Как пишет Л.Н.Гумилев, каждый стиль жизни есть достояние определенного народа, «особенно это заметно по отношению к ландшафтам, в которых создавались и обитали этносы».

Национальную культуру можно рассматривать как специфическую систему выживания народа, сформировавшуюся в процессе совместной жизнедеятельности. Она есть комплекс отобранных и закрепившихся в истории и памяти народа способов и навыков обработки имеющихся в его распоряжении ресурсов и материалов, свойства

которых «привлекали» одних людей и «отторгали» других (направляя их к поискам таких условий, в которых они могли бы более успешно действовать). В конечном счете, те, кто сформировал данную культуру и нацию (и склонны к ней), те и оказались к ней наиболее способны.

Действительный мир исключительно многообразен так же, как и люди, в нем обитающие; где-то кому-то он был более удобен, где-то менее, а реальные жизненные ситуации жестоко расправлялись с непокорными и непокладистыми. Поэтому, несколько схематизируя, можно сказать, что со временем «подбиралось» сообщество «товарищей по несчастью» или «счастью», которые вместе искали подходящие своим желаниям и возможностям условия существования – т.е. свою судьбу, историю, и во многом свое будущее. Здесь, как и во многих других случаях, происходил естественный отбор и селекция. М.Пришвин в своих «Заметках о творчестве» верно улавливает: «финская угрюмая природа определила душу карела, и пустыня сделала араба, эта пустыня через араба сказала нам свое слово» [1].

Культура, таким образом, выступает не только как своеобразный каркас нации, но и как *ремесло выживания* некоей общности людей в данных им условиях бытия. Упорядоченность опыта, знаний, способов выживания, со временем становилась главным инструктивным корпусом – **формулами жизни** или традицией. Именно в традициях свернутая история народа, их «разворачивание» и «прочтение» позволяет нации развиваться, а не начинать каждому поколению все сначала – «без опоры на умную сущность традиций навсегда оставался бы голый человек на голой земле», как пишет культуролог Д.Благой.

Условия жизни, материал и способы его преобразования формировали определенный тип (модальность) материальной культуры того или иного народа. Тому в истории множество примеров – китайская, арабская, народов Севера и т.д.

Параллельно внешней стороне деятельности развивалась ее субъектная сторона: прежде всего «психотехнические» приемы работы – напевы, причитания, заговоры, заклинания, магические и ритуальные действия... Все, что придавало устойчивость человеку в его отношениях с внешним, «другим» миром (другим, чем он сам), помогало преодолеть или хотя бы компенсировать разрыв между его внутренними желаниями, с одной стороны, и требованиями неуступчивой безразличной природы, с другой – все это формировало его собственный образ как величину, способную противостоять неблагоприятному внешнему окружению.

Внимание человека к психической стороне своей деятельности обычно тем более усиливается, чем чаще он терпит в ней неудачи, – человек становится более интровертированным (внимательным к себе, своим чувствам, переживаниям, более чутким к фантазиям и мечтаниям) тогда, когда внешняя активность затруднена, когда на его желания «экстравертировать» накладываются ограничения. Разумеется, частота неудач, которые человек в своей жизни терпит, во многом зависит от сложности решаемых им задач и методов их решения, которые он в состоянии использовать. Это очень сложная психологическая проблема: кто и какие цели себе ставит и почему? Ведь можно поставить себе простенькие цели, легко достигаемые примитивным набором средств, и никаких мучительных переживаний о своей несостоятельности у человека не возникнет. Когда уровень притязаний человека и его реальный успех адекватны друг другу, то уровень его самооценки неизменно оказывается высоким. Как писал психолог У.Джеймс, «наше довольство собой в жизни обусловлено всецело тем, к какому делу мы себя предназначаем».

Реальное овладение и познание мира тем вероятнее замещаются (дополняются) его образно-художественными аналогами, в какой-то мере требования гармонии и связи с миром стали для человека актуальной жизненной потребностью. Особенность

образности в том, что она извлекается как бы непосредственно из глубин человеческой личности, и в этом источник ее притягательности и устойчивости в сознании людей. Художественный образ облекает в подобие плоти переживания и мысли людей навстречу и в противовес плоти иного (внешнего, «чуждого») мира; из неясных и изменчивых состояний ментального плана он переводит внутренний опыт человека в явленность действительного – видимого и осязаемого. Кроме того, экспликация психического (превращение из тайного, внутреннего в явное) дает ему *шанс на продолжение существования в самостоятельных деяниях родственных ему по духу людей.*

Эмоционально окрашенные субъективным опытом, корреспондирующие с реальными условиями жизни, хотя и возникшие как эпифеномен (как будто случайный, побочный продукт) к функции выживания, традиции рода становились отличительными признаками и символами нации. Поэтому традиции и каноны являются важной структурирующей силой человеческой культуры, а художественно-образная их компонента занимает в ней центральное место. *Именно художественные ценности являются специфицирующим ядром национальной культуры, да и самой нации* потому, что через них проявляются индивидуальные (отличительные) черты человека, принадлежащего к тому или иному народу, точнее – к той или иной культуре. Обладая свойством наглядности, художественные ценности создают чувство живой личной сопричастности к духовным идеалам, и потому-то они становятся важнейшим источником своеобразия и развития нации в ее реальной вещественной целостности и идентичности. Произведения искусства оказывают суггестивное воздействие на людей; подпадая под их влияние, люди формируют соответствующую национальную культуру. По этой же причине рассудочная, техницистская ориентация современной западной культуры с ее адаптивной подчиненностью универсальным законам природы нивелирует индивидуально-типологические (национальные) различия народов.

Культура – это особое чувство и вкус к жизни, а значит и особый стиль жизни; она – форма существования духовности. Это и образ жизни, и жизнь в соответствии с образом, который *тережится* потому, что помогает выживанию и воскресению. Образ в душе предохраняет от ассимиляции в чужеродном, удерживает от растворения в **без-образном** и неизвестном, а возможно, и в небытии.

Дух Божий витает, где хочет, человеческий же «дух» может лишь в какой-то мере оживлять факты Божественного присутствия в мире силой образов, открывающихся человеку. Образы – это как бы следы действия и бытования Духа в мире. Образы – это органичные человеку средства его возможного приобщения к вечному, поэтому национальные традиции, которые пропитаны образами – **знаки достоинства нации в истории.** Они подсказывают человеку, каким он должен быть, чтобы стать большим, чем он есть сейчас. Их значение в жизни человека удачно иллюстрируют слова фольклориста Т.Семеновича о роли масок в дни праздника. Развивая идеи К.Леви-Стросса, она пишет, что маска – это одновременно человек и нечто другое, нежели человек; человеку в маске (функция которой – быть посредником) становится близким и доступным мир сверхъестественный. Надевший маску уходит от ежедневного, обыденного самого себя, с ее помощью он раскрывает в себе нечто такое, что в обычное время живет в глубинах духа и души. В эти минуты человек как бы заглядывает в себя самого, расширяя границы человеческого существа, и его духовный контакт с людьми вдруг оказывается иным, новым и порой более глубоким и активным. Маска сразу, «смазав карту будней» и, казалось бы, отбросив человека от самого себя, вместе с тем в нем же самом что-то открывает, колеблет, приводит в движение, обнажает, «от человека в праздничном костюме требуется максимально

много. Он должен быть на высоте идеала и установленной «в наших местах» добродетели».

Творческое развитие человеческого образа «Я» означает культивирование человеческой самости, и осуществляется оно **в структурах национальной образности**. Культура по происхождению своему есть сугубо личностное образование, и потому же она есть условие и опора духовного роста и развития человека. Выбор способов самореализации – тех или иных национальных структур – есть акт человеческой свободы. Но, однажды выбрав их самостоятельно, человек затем должен следовать ее традиции (опыту). Выбор национальной культуры подобен и равноценен выбору профессии – *специализации духовной практики человека*. В этом состоит принципиальное различие между духовным «профессионализмом», потенциально заложенным в национальных культурах, и духовным дилетантизмом, заключенным в космополитизме. Дело в том, что космополитизм, целелеполагаясь в направлении всеобщих человеческих ценностей (что сближает его с универсальной научной «технологией» мировосприятия), с одной стороны, избегает центрации на специфическом и относительно частном в культуре того или иного народа, а с другой – уходит от конкретно-исторического в жизни любой культуры. Эта стерильность космополитизма, неотягощенность национальными «примесями» – характерными особенностями жизни нации – лишает его человеческой привлекательности для многих людей в силу отсутствия в его идеологии живой связи, естественности продолжения опыта их жизни с историческим прошлым своего народа. По-видимому, космополитизм является уделом тех, кто не имеет устойчивых внутренних связей с национальной культурой, кто оказался оторванным от одной из возможных родственных национальных культур.

Космополитическое мышление может обуславливать нечувствительность к личностным формам общения (а только лишь к деловым, прагматическим) и, как следствие, неспособность к подлинному художественному творчеству. Не случайно, что среди космополитов практически нет оригинальных художественных личностей, зато сколько угодно подражателей, имитаторов, «импровизаторов». Когда есть основа, «главная тема», только тогда и появляется возможность для импровизаций. Кажется, И.В.Гете пошутил однажды: если у вас есть в чем-то недостаток, сделайте из него преимущество. Так и здесь. Область, где космополит закономерно достигает успеха, – утилитарно-практическая и теоретическая, познавательная, **исследовательская**, а не собственно **созидательная**. Ему остается недоступной сфера оригинального художественного творчества; пытаясь действовать и в ней, он неизбежно следует какой-либо национальной традиции, оставаясь интерпретатором заданных «националистами» эталонов творчества.

Как всякий профессионализм, культура требует:

- 1) включения собственных задатков человека в контекст цехового «национального» опыта;
- 2) следованию основополагающим формообразующим критериям-канонам;
- 3) импровизации и нововведения допускаются в той мере, в какой в них узнается неэксплицированная (не обнаруженная еще) часть потенциала традиции, что затем может превратиться в новую традицию (когда прецедент становится правилом);
- 4) живая культура нуждается **в своем обществе людей**, обладающих легко опознаваемыми родственными признаками (в частности, общим языком, привычками и т.п.), объединенных сходными установками («внутренними готовностями»), позволяющими легко, с полуслова, понимать друг друга, способными индуцировать и стимулировать друг друга к согласованной деятельности (философ Х.Ортега-и-Гассет обратил внимание на близость понятий *общество* и *сообщник*).

С другой стороны, всякий дилетантизм настаивает на полной «раскрепощенности» личности, неограниченной «свободе самовыражения», так как нетерпим к жестким критериям мастерства и совершенства, скрывающим безответственность «самосознающего» себя существа. Характерно, что и космополитизм уходит от культуры (традиций), полагая, что совершенства личности возможно достичь с нуля, «с себя самого» и только.

Иконография национального не допускает ереси космополитической всеобщности и универсальности, которая проявляется на практике в бесформенности и унификации неповторимости человека, являющегося составной частью своеобразия каждой национальной культуры. Следует заметить, что термин *мировая культура*, часто используемый космополитами, есть не что иное, как абстракция. Существуют только национальные культуры, которые в целом и образуют содержание мировой культуры. Представление о том, что существует некая вытяжка под наименованием *мировая культура* – не более чем нонсенс или каламбур (т.е. игра слов, основанная на их звуковом сходстве при различном смысле).

Каждая национальная культура выступает за сохранение и продолжение атрибутов рода, его памяти. Это как исполнение заповедей верности и благодарности силам, тебя создавшим, и равноценно основополагающему для человеческого существования требованию: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог Твой, дает тебе» (Исх. 20, 12). Также и в Евангелии: «Я пришел не отменить закон, но исполнить его»; все остальное – после исполнения данных нам заветов.

Таким образом, национальные ценности, отрываясь от частного и преходящего в жизни каждого человека, но не растворяясь в общечеловеческих ценностях, в своем возвышающем стремлении к духовности становятся связующим звеном («лестницей») между жизнью и ценностями отдельного человека и общечеловеческими (свойственными всем людям) идеалами.

Конечно, в сравнении с высотами прозрений монотеистических религий, *вера в национальное есть своего рода эрзац-вера* потому, что в ней сохраняются элементы языческого магизма, когда низшее примеривается/приравняется к высшему. Но даже будучи суррогатной, промежуточной формой религиозного сознания, «национальная вера» стремится напомнить самой себе о когда-то каким-то образом происшедшем чуде рождения человека в мире. И это она старается обозначить понятным для себя способом-образом, с помощью которого можно было бы сфокусировать свое внимание на почитании духовного и святого. Художественные образы так настраивают (устраивают) душу человека, что делают ее максимально чуткой и восприимчивой к еще более тонким и возвышенным материям.

Проницательные философы не раз с грустью отмечали интеллектуальные спекуляции в связи с благовествованием апостола Павла: «Нет уже Иудея, ни язычника... ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3, 28). Часто те, кто с удовольствием цитируют эти слова в дискуссиях, хотят этим подчеркнуть никчемность национального, указывают на якобы существующий антагонизм между христианством и национальным сознанием человека. Характерно, что использующие это высказывание апостола обычно цензурят его, поскольку исходят из своих идеологических воззрений или политических задач. А именно, они исключают подчеркнутое: «Нет уже Иудея, ни язычника; **нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского**: ибо все вы одно во Христе Иисусе». Следуя этой логике, нужно, очевидно, живя на земле, а не в раю, отказаться от мужского и женского пола...

То, что соответствует, приличествует и достойно Града Божьего, невозможно в Граде земном, между тем, как замечено и историей доказано было, что те, кто стремился построить Царствие небесное на земле, были великими насильниками и грешниками, именно эти «благодетели» неизменно оказывались на противоположной стороне общечеловеческих ценностей.

Национальные культуры (нации), их реальная множественность и многообразие самим фактом своего существования демонстрируют и практически утверждают настоящий демократизм в человеческом существовании и мышлении, а, следовательно, реально защищают права человека, в частности, *на своеобразие воплощения своей духовности*. Философ Г.Федотов писал, что разделение человечества на нации подчеркивает множественность культурных «путей спасения», многообразие «личных путей святости», личных призваний. В многонациональном мире – это не разделение, а «распределение» на «жребии», «уделы» природного разнообразия мира, так же, как в многообразии языков следует видеть свободу и дар благословения природно-языческой многоликости мира.

Разумеется, всегда остается соблазн погрузиться в свое национальное настолько (как бы вернувшись в материнское лоно), чтобы не видеть и не слышать вокруг себя ничего, что заставляло бы действовать самостоятельно и с личной ответственностью. Поэтому не лишним будет принять во внимание слова другого религиозного философа Г.Флоровского о том, что всякий гений говорит языком и образами своей среды и эпохи, но «что-то» выдвигает его *над временем и пространством вообще*. Это «что-то» лежит в содержании культурного творчества, в воплощаемой и руководящей идее. Вечным оказывается то, в чем раскрываются универсальные ценности, и в силу этого их временные одежды становятся прозрачны и даже призрачны. Достоинство культуры определяется теми ценностями, которые в ней осуществляются. В этом, говорит Флоровский, отличие «антропологического» национализма от «этического» национализма. В конечном счете, существование «антропологического» национализма заслуживает одобрения и может быть «оправдано» только в том случае, если вдохновляется пафосом высших начал, а не просто верностью «исконным началам», т.е. если в нем заложена тенденция к сближению, к преобразению в «этический» национализм. При чем здесь тогда, спрашивается, национализм? При том, что в этом случае нация органически, не ломая собственной природы, не теряя форм своего исторического лица, без какого-либо принуждения приходит к высшим духовным ценностям.

Апостол Павел проповедовал: «К свободе призваны вы, братья, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти» (Гал. 5, 13), т.е. чтобы данная нам свобода не была условием и поводом к угождению «антропологической» националистической похоти.

Литература

1. *Пришвин М.* Заметки о творчестве // Контекст-74. – М., 1975. – С.333.